

Глава 17. В твою комнату

Вещей у Чэн Ляна почти не водилось — разве что стопка книг, которую нужно было забрать из общежития Средней школы Биньяна. После заселения он переночевал там всего однажды, а в остальные дни пропадал неведь где. Одну ночь перекаптался у Е Мянэ, а всё остальное время шляется на стороне.

— Рукам не больно? — спросил Е Мянэ.

Чэн Лян так сильно вцепился ему в плечо, что Мянэ сначала хотел смахнуть его ладонь, но, наткнувшись взглядом на свежие ссадины, передумал.

Чэн Лян развалился рядом абсолютно голым. Он то и дело ворочался, меняя позы, пока вентилятор на полной мощности обдувал его разгорячённое тело.

Посидев немного, Е Мянэ отправился на кухню. В холодильнике сиротливо жались остатки вчерашнего обеда. Будь он один, просто отварил бы лапши на скорую руку. Но сейчас у него сидел гость, к тому же раненый. Оставлять его на полуголодном пайке не хотелось, а продуктов явно не хватало.

Прихватив телефон, ключи и бумажник, он бросил Чэн Ляну, который лениво залипал в телевизор на диване:

— Я на рынок, за продуктами.

— Погоди, я с тобой, — приподнялся тот.

— Ну уж нет. Если выйдешь в таком виде, все решат, что я выгуливаю наследника мафиозного клана.

Одежда Чэн Ляна всё ещё крутилась в стиральной машине, так что натянуть ему было решительно нечего.

Чэн Лян не соврал, когда сказал Е Мянэ, что чертовски устал. Стоило двери захлопнуться, как с его лица мгновенно сползла напускная безмятежность.

На этот раз Е Мянэ не стал, как обычно, придирчиво выбирать овощи на прилавках или выискивать скидки в супермаркете. Он торопился. Даже торговаться не стал — просто хватал нужное, расплачивался и бежал дальше. Домой он возвращался бегом, с трудом удерживая в руках увесистые пакеты. Среди покупок была целая курица, которую торговец на рынке заботливо разделал на порционные куски, и пакет сушёных фиников.

Во дворе царила сонная тишина. На ветках дерева дремали воробьи, но стоило Е Мяню распахнуть калитку, как они с шумным чириканьем брызнули в рассыпную.

Поворачивая ключ в замке, он на мгновение задумался, стоит ли подавать голос. Но едва дверь поддалась, слова сорвались с губ сами собой:

— Я вернулся.

Простая привычка. Обычно, когда он возвращался в пустой дом, где его никто не ждал, он входил и выходил в полном молчании. Сегодня же его шаг был на удивление лёгким. Впрочем, на приветствие никто не отозвался.

«Ушёл, что ли?» — промелькнула мысль.

Но нет, чужие кроссовки по-прежнему стояли в прихожей. Сделав несколько шагов вглубь гостиной, Е Мянъ замер.

На диване, раскинувшись, спал Чэн Лян. Его обнажённое тело казалось вылитым из бронзы в полумраке комнаты. Он дышал ровно и глубоко. Несмотря на юный возраст, сложен он был великолепно: рельефные мышцы, чётко очерченный пресс, который из-за позы натянулся, обнажая упругие кубики. В этой фигуре странным образом сочетались дикая сила и небрежная грация. Е Мянъ поймал себя на том, что не может отвести глаз.

От удушливой жары лоб, переносица и верхняя губа Чэн Ляна покрылись мелкими капельками пота. Спал он беспокойно — он нахмурился, словно парень застрял в каком-то липком, кошмарном сне, из которого не мог вырваться.

Стараясь не шуметь, Е Мянъ прошёл на кухню, ополоснул овощи и включил вытяжку. На дне шкафа нашлась горсть сушёных грибов — он залил их кипятком, чтобы набухли. Решено было сварить сытный, восстанавливающий силы куриный бульон с грибами и китайскими финиками. Оздоровительное зелье для раненого бойца.

Он сам подивился собственному прогрессу. Когда-то он даже плиту зажечь не умел, а теперь уверенно орудовал ножом и половником, вполне заслужив звание неплохого кулинара. Правда, суп он варил впервые — обычно его рацион был куда прозаичнее. Е Мянъ заблокировал экран телефона, закрыв вкладку с рецептом из поисковика.

Пока закипал бульон, он быстро сообразил несколько простых закусок. Приготовил картофельную соломку в кисло-сладком соусе — перца сыпанул совсем чуть-чуть, ведь сам острое не жаловал, да и раненому это вредно. Следом пошли классические томаты с яйцом и свинина, обжаренная с зелёным перцем.

Когда с готовкой было покончено, суп всё ещё тихо булькал на плите. Е Мянъ вернулся в

гостиную. Чэн Лян спал беспробудным сном. Телевизор, который тот забыл выключить перед уходом в царство Морфея, теперь уныло крутил рекламные ролики вперемешку с титрами очередной серии какого-то сериала.

Выключать ящик Е Мянью не стал — вдруг Чэн Лян заснул как раз под этот монотонный бубнёж? Он выставил на стол две пары пиал и бамбуковых палочек, расставил тарелки с дымящейся едой и снял крышку с кастрюли. По комнате тут же разлился густой, одуряюще вкусный аромат домашнего бульона.

Стол был завален всяким хламом. Е Мянью вооружился тряпкой, быстро смахнул пыль, выкинул ненужные бумажки, а мелочёвку рассовал по ящикам. Но даже когда обед был полностью сервирован, спящий на диване не подал никаких признаков жизни.

Чтобы убить время, Е Мянью достал из угла швабру и принялся лениво протирать пол, добираясь до самых пыльных углов. Закончил — а Чэн Лян всё спит.

Возня у плиты и уборка дали о себе знать: Е Мянью взмок до ниточки. Направляясь в ванную, он на секунду замер у дивана, вглядываясь в лицо гостя. Убедившись, что будить парня бесполезно, он со спокойной душой ушёл мыться. Парни собираются быстро — уже через десять минут Е Мянью вышел из душа с влажными волосами, но Чэн Лян так и не пошевелился.

Быстро высушив феном голову, Е Мянью бросил взгляд на остывающий ужин. Пора было принимать меры. С полотенцем на плечах он подошёл к дивану. Сна для одного дня явно достаточно, если не разбудить сейчас — придётся всё греть заново. Но как его растолкать, чтобы случайно не задеть многочисленные раны и ушибы?

Решение пришло быстро. Е Мянью разблокировал телефон, нашёл плейлист с тяжёлым металлом, выкрутил громкость на максимум и поднёс динамик прямо к уху спящего.

Едва басы ударили по перепонкам, Е Мянью сам подпрыгнул от неожиданности.

— Твою мать, что за дичь... — выругался он, торопливо переключая трек.

Пролистав ещё парочку столь же зубодробительных композиций, он наконец нашёл что-то достаточно бодрое и шумное. Удивительно: его самого этот грохот заставил вздрогнуть, а Чэн Лян даже бровью не повёл. Такая непрошибаемость начинала пугать. Удерживая орущий телефон у его головы, Е Мянью принялся звать:

— Эй, Чэн Лян! Подъём! Хватит дрыхнуть. Вставай давай, обед остынет.

Ноль реакции. Е Мянью нахмурился. При таком шуме даже мёртвый бы перевернулся на другой бок. Заподозрив неладное, он наклонился ниже. Лицо Чэн Ляна исказила гримаса боли.

«Неужели сознание потерял?» — испугался Мянью и слегка похлопал парня по щекам. — «Чёрт, какой горячий!»

Только сейчас он разглядел, что мертвенная бледность на лице Чэн Ляна сменилась лихорадочным пунцовым румянцем, а пот катился с него градом.

«Да у него же жар!» — догадался Е Мянью. — «Похоже, раны загноились или занёс заразу».

— Да блин, Чэн Лян, я в прошлой жизни точно перед тобой нагрешил, — в сердцах выдохнул он.

Е Мянью сбегал в комнату за просторной футболкой, опустился на колени у дивана и, стараясь не задевать повреждённые места, бережно приобнял парня за плечи, помогая сесть.

Горячие капли пота со лба Чэн Ляна скользнули Е Мянью прямо за воротник, щекоча кожу у ключиц. В какой-то момент раненый ткнулся лбом ему в подбородок и тихо, жалобно застонал.

— Прости, — пробормотал Е Мянью.

Ему никогда раньше не приходилось никого одевать, а уж тем более ухаживать за больным. Он действовал неуклюже. За эту короткую минуту они успели столкнуться лбами, Чэн Лян снова задел его подбородок — Мянью-то ладно, а вот больному явно досталось сильнее. На белоснежной марлевой повязке проступило свежее алое пятно.

Ночная прохлада незаметно опустилась на город. На оконных стёклах палат отражался тусклый свет уличных фонарей, а внизу, на широком проспекте, расплывались жёлтые огни фар. Машины выстроились в длинные, медленно ползущие вереницы — сверху они казались светящимися змейками или свисающими ветвями ив, колышущимися в ночи.

Потирая гудящий лоб, Чэн Лян с трудом разлепил веки. Потолочная лампа била по глазам безжалостным белым светом. Он зажмурился, пытаясь проморгаться. Вокруг всё было стерильно-белым.

«Где это я?»

Справа висела плотная медицинская ширма, отделявшая его кровать от соседней. Спустив ноги на пол, Чэн Лян оглядел себя. Одежда была чужой — у него отродясь не водилось таких безразмерных футболок, хотя размер сидел идеально. Обувшись, он отодвинул занавеску.

— Мать твою! Кто там шныряет?! Не видишь, шторка закрыта? Понимать надо, когда люди

делом заняты!

На соседней койке лежал грузный мужчина лет сорока пяти. Рядом суежилась женщина — судя по всему, его супруга. Держа в руках пластиковый тазик, она как раз обтирала влажным полотенцем его причинное место.

— Виноват, — буркнул Чэн Лян и резко задвинул ширму обратно.

Что ж, сомнений не осталось — он в больнице.

— Совсем больной, что ли? Элементарных приличий не знает! Занавешено же, какого хера паяться? Мужиков голых не видал?!

Обе кисти были замотаны бинтами так густо, что напоминали круглые белые клецки. Чэн Лян потянул за ворот просторной футболки и заглянул внутрь: грудь и торс крест-накрест стягивали плотные повязки. «И что это на мне? Больничная пижама?» Он всегда думал, что казённая одежда бывает либо синей, либо белой, но эта оказалась канареечно-жёлтой. Наверное, терапевтический трюк — цвет солнца должен внушать пациентам оптимизм? С тем же успехом могли бы выдать зелёную, цвет возрождения природы.

— Любуешься своими телесами? — раздался от двери негромкий голос Е Мян.

Он вошёл, неся в руках синий термос, и мягко притворил за собой дверь.

Чэн Лян вздрогнул и торопливо отпустил ворот.

— Что произошло? — Он помнил, как пришёл к Е Мян, как тот обрабатывал ему раны... а дальше память словно стёрли. Провал. Очнулся уже здесь. — Я отрубился? — Он на секунду замолчал, осознавая реальность. — Это ты меня сюда притащил?

Е Мян водрузил термос на тумбочку.

— Здесь куриный бульон и нормальная еда. Давай, заправляйся, ты ведь без ужина остался.

Пока Чэн Лян лежал без чувств, Е Мян пришлось изрядно попотеть. Он с трудом натянул на него чистую футболку и на собственной спине тащил до конца переулочка. С виду Чэн Лян не казался тяжеловесом, но на деле оказался чертовски увесистым. Пока донёс до дороги и поймал такси, весь свежий душ пошёл насмарку — взмок так, будто кросс пробежал. Сдав бедолагу врачам и дождавшись, пока прокапает первая капельница, Е Мян засобирился домой. Душа болела за оставленный на плите бульон. Вернувшись, он наскоро помылся, поужинал сам и только тогда перелил горячий суп в термос. Благотворительность благотворительностью, но совершать добрые дела на голодный желудок — гиблое занятие.

Прояснив в голове картину вечера, Чэн Лян скинул шлёпанцы, залез с ногами на кровать и вольготно откинулся на подушки.

— Ну, накрывай поляну, — скомандовал он с видом заправского барина.

Е Мянью смерил его тяжёлым взглядом. Мысленно велел себе не связываться с больным на голову, он молча открутил крышку термоса, разлил суп по пиалам и придвинул к постели.

— Ешь давай. — Палочки и ложка со стуком легли на тумбочку.

Чэн Лян принял сидячее положение и расплылся в улыбке.

— Получается, ты спас меня уже дважды. Настоящий ангел-хранитель.

Время перевалило за десять. Чэн Лян, чьи ладони были плотно замотаны, неуклюже зажал ложку между пальцами и принялся вылавливать из бульона куски мяса. Е Мянью мельком глянул на его мучения, а затем уткнулся в экран своего телефона. На часах было ровно пол-одиннадцатого. Он зашёл в галерею, выудил нужный снимок, увеличил его и повернул экран к Чэн Ляну.

— Посмотри-ка вот на это.

Е Мянью поднялся и, скрестив руки на груди, сухо произнёс:

— Это счёт из регистратуры. Здесь всё чёрным по белому расписано. Ознакомься и, если вопросов нет, переводи деньги.

Чэн Лян застыл с ложкой у рта, а в следующий миг зашелся в безудержном хохоте.

— А-ха-ха-ха! Чёрт, прости, я не могу... Это слишком смешно! — Он едва не поперхнулся бульоном. — Е Мянью, тебе когда-нибудь говорили, какой ты забавный?

Е Мянью прищурился и резко выдернул мобильник у него из-под носа.

— Смешно ему. Смех смехом, а долг верни. Никаких рассрочек и задержек, плати давай.

— Да нет, правда! — Чэн Лян согнулся пополам. — У тебя такой суровый вид, когда ты требуешь свои гроши, это просто умора. Не ожидал от тебя такой деловой хватки.

Он хохотал до слёз, отчего плечи его содрогались, беря свежие швы. Смех то и дело прерывался шипением от боли, но парень не мог остановиться. Не будь в палате свидетелей, он

бы точно уткнулся лицом в подушку, чтобы заглушить хохот.

Бум! Е Мянъ без лишних церемоний пнул железную ножку кровати.

— Ещё раз хрюкнешь, и я устрою так, что ты отсюда до конца каникул не выпишешься, — процедил он сквозь зубы.

На его лице заиграла нешуточная злость — чистой воды коллектор пришёл выбивать долги. Е Мянъ искренне не понимал этого придурка. Требовать возврата потраченных денег — совершенно естественный поступок. Нормальный человек расстроился бы, подсчитывая убытки, а этот ржёт как ненормальный.

— Эй, весёлые, хорош ржать! — донёсся из-за ширмы хриплый бас соседа. — Людям спать надо или как? В больнице лежите, а не в цирке, придурки!

Ему тут же ответил тихий, писклявый женский голосок:

— Да тише ты! Опять за своё? Тебе лишь бы полаяться с кем-нибудь. Какое твоё дело, что они там делают?

— Тьфу! Там сопляки зелёные сидят, ещё я у них разрешения не спрашивал!

— Да угомонись, не твои же дети, чего лезешь?

— Были бы мои — уже бы ремня огребли! — Рядом яростно скрипнула панцирная сетка кровати.

— Спи уже давай, а то ночью сам на утку карабкаться будешь, я и пальцем не пошевелю.

Перевод наконец прошёл, и Е Мянъ с чувством выполненного долга спрятал телефон в карман джинсов.

— Завтра утром сам оформишь выписку. Термос заберёшь с собой, занесёшь как-нибудь на каникулах или уже в школе отдашь. Я пошёл. Будут проблемы — звони.

— Погоди, «звони»? — приподнял бровь Чэн Лян. — Брат Мянъ, ты мне даже номера своего не оставил. А если мне приспичит посреди ночи, как я тебя найду?

Вообще-то, ноги у Чэн Ляна были целы, да и руки повреждены не настолько, чтобы ширинку не растянуть.

— Захочешь в туалет — найдёшь дорогу. А номер мой привязан к профилю в вичате.

К тому же они не раз обменивались переводами.

Чэн Лян достал свой телефон:

— Мы же через алипэй рассчитывались, там номера не видно, цифры посередине звёздочками закрыты. Давай, сканируй код, добавлю тебя в вичате.

Теперь у него будут и контакты мессенджера, и заветные одиннадцать цифр мобильного. Е Мянь послушно навёл камеру на экран соседа.

— А ты неплохо шарить в настройках приватности, — заметил он, подтверждая запрос.

— Работа обязывает, — пожал плечами Чэн Лян. — И не надо на меня так смотреть. Знаю, о чём ты подумал: почему не вичат? Да потому что с вичатом меня все за сетевого маркетолога принимают.

— Ясно, — равнодушно отозвался Е Мянь и уже развернулся к выходу, как вдруг его запястье перехватили.

Чэн Лян легко спрыгнул с койки.

— Ну вот, опять твоё фирменное презрение. Ладно тебе, я не останусь здесь на ночь.

Е Мянь скользнул взглядом по его забинтованной руке — там, где под катетер было оставлено свободное место на тыльной стороне ладони.

— Дело твоё.

Сам бы он тоже ни за что не остался ночевать в казённой палате.

Когда они вернулись к Е Мяню, часы показывали половину двенадцатого ночи. Непрошенный гость увязался следом. Лишь дома Чэн Лян сообразил, что щеголяет в футболке хозяина. Никакой брезгливости это у него не вызвало, наоборот — он бесцеремонно натянул воротник на нос и глубоко вдохнул.

— Приятный запах. Свежим кондиционером пахнет.

Е Мянь лишь покрутил пальцем у виска:

— Идиот.

Несмотря на статус раненого, привилегий гостю не полагалось: спать его отправили обратно на диван в гостиной. Пускать его в спальню, а уж тем более позволять стелить на полу Е Мянью категорически отказался.

В душной комнате Чэн Ляню оставалось лишь подставлять лицо под ленивые лопасти вентилятора, но скучать ему не пришлось — теперь у него был контакт Е Мянью. Устроившись на диване, он битый час листал его ленту, изучая скудные три десятка публикаций за последние годы. Каждую запись он методично снабжал лайком. Действовал открыто, обозначая своё присутствие на его интернет-территории, но не оставляя ни единого комментария.

За следующие два месяца Е Мянью практически в одиночку закончил первый том своей веб-манхуа. Сюжет, раскадровка, контуры, покраска, вёрстка — весь процесс от наброска до финального штриха лежал исключительно на его плечах. Правой рукой он набрасывал эскизы на бумаге, а левой доводил рисунок на графическом планшете, подключённом к компьютеру.

Когда два месяца назад перед ним остро встал вопрос заработка, он решил использовать то, что умел лучше всего. Рисовать он начал ещё в детстве, база была отличной. Правда, академическая живопись и натюрморты наводили на него тоску, а вот к графике и комиксам душа лежала всегда. Раньше, когда бывало хорошее настроение, он любил выбираться на природу со складным этюдником. Но те беззаботные времена остались в прошлом — суровая реальность быстро вытеснила из его жизни подобные юношеские вольности.

Теперь он безвылазно сидел в четырёх стенах, штампуя фрейм за фреймом. Фрилансер без имени и репутации — он брался за любую работу, не претендуя на авторство. Заказ он получил через посредника, известного иллюстратора, который не справлялся с объёмами адаптации популярной веб-новеллы и спихнул часть черновой работы Е Мянью. Платили сносно: за два месяца упорного труда выходило около десяти тысяч юаней.

Разумеется, дедлайны горели — проект требовалось сдать точно в срок, а кабальный договор лишал его права указывать своё имя под финальной работой. Но Е Мянью было плевать на престиж. Главное — хрустящие купюры в кармане, а слава подождёт. Для новичка без портфолио гонорар и так был более чем щедрым. Поэтому он без лишних вздохов пахал днями и ночами.

Летние каникулы освободили кучу времени, позволяя полностью сосредоточиться на подработках. Новые заказы подворачивались нечасто, так что приходилось дорожить тем, что есть. До сдачи проекта оставались считанные дни, и Е Мянью увлечённо шлифовал мелкие детали, доводя рисунок до идеала.

Телефон на кровати то и дело пиликал, но парень, погружённый в работу, игнорировал

уведомления. Лишь когда он поднялся, чтобы налить себе воды, до его слуха донеслась настойчивая трель. Время перевалило за полночь — наверняка опять спам от сотовых операторов или онлайн-сервисов. В последнее время его буквально заваливали предложениями о быстрых займах. Наверное, случайно оставил номер на каком-нибудь сомнительном сайте.

Сообщения обычно выглядели одинаково шаблонно: «Уважаемый клиент! Вам одобрен беспроцентный кредит на сумму до 50 000 юаней. Для активации перейдите по ссылке...»

Он недавно сменил тариф: взял местную симку со ста гигабайтами трафика за пятьдесят восемь юаней в месяц (скидка в первые полгода снижала плату до восемнадцати). Похоже, номер до него принадлежал какому-то недобросовестному заёмщику — поток мусорных смс и звонков от коллекторов не прекращался ни на день. Надо бы установить какой-нибудь блокировщик нежелательных вызовов, иначе житья не будет.

Но на этот раз звук был другим. Оповещение мессенджера.

Е Мянъ разблокировал экран с тайной надеждой увидеть уведомление о переводе или зачислении средств за работу. Однако на экране светилось сообщение от его недавнего знакомого.

[Прохладная водица]

"Ты чего в такую темень не спишь? Пустишь к себе под кондиционер?"

<http://bllate.org/book/18333/1810239>